

К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы

Шипшин С.С.

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

При расследовании преступлений одной из главных задач следствия является получение достоверной информации об обстоятельствах совершения преступления от непосредственных участников криминального события – подозреваемых (обвиняемых), потерпевших, свидетелей.

Судебно-психологическая экспертиза.

Рассмотрим возможности СПЭ сквозь призму решения проблемы оценки следствием «надежности» юридически значимой информации и ее носителя. Здесь выделяется три типа экспертных задач: 1) установление способности подэкспертного правильно (адекватно) воспринимать юридически значимую информацию об отдельных фактах (событиях, действиях и т.д.), т.е. речь идет о восприятии внешней стороны событий; 2) установление способности подэкспертного правильно (адекватно) воспринимать внутреннее содержание событий или действий, т.е. способности осмысливать и понимать их; 3) установление влияния условий восприятия на способность правильно (адекватно) воспринимать юридически значимую информацию.

К задачам второго типа относится установление способности подэкспертного (с учетом уровня психического развития, особенностей речевого развития, индивидуально-психологических особенностей) давать *правильные*, т.е. адекватные, показания (М.М. Коченов, 1977, 2000, 2010; Ф.С. Сафуанов, 1998; О.Д. Ситковская, Л.П. Коньшева, 2000; М.В. Морозова, 2004). Решение указанных задач предполагает, наряду с другими объектами, исследование памяти подэкспертного, поскольку способность давать правильные показания не в последнюю очередь зависит от способности и возможности не только воспринять юридически значимую ситуацию, но также сохранить ее в памяти и возможности ее воспроизвести.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что, образно говоря, СПЭ позволяет установить «психологические условия», «психологическую основу» получения, хранения и последующего воспроизведения юридически значимой информации (особенности психических процессов, психического (эмоционального) состояния в исследуемый период, индивидуально-психологические особенности с учетом влияния на них особенностей юридически значимой ситуации).

Судебная психофизиологическая экспертиза (с использованием полиграфа).

До настоящего времени в сообществе полиграфологов, занимающихся производством СПФЭ, нет единства в представлениях о предмете и объекте данной

экспертизы, поэтому можно говорить о наличии двух основных конкурирующих подходов к данной проблеме.

Согласно первому подходу, объектом СПфЭ является память человека - как материальный носитель информации о событиях прошлого. При этом наблюдаемые в ходе тестирования на полиграфе (ТнП) физиологические реакции не являются объектом экспертного исследования, а представляют собой средство визуализации процесса диагностики памяти, а также служат для контроля психической активности подэкспертного, в частности, для определения адекватности подэкспертного ситуации ТнП. Предметом же является наличие (или отсутствие) в памяти конкретного человека («индивидуально-определенного объекта») идеальных следов событий прошлого, представляющих интерес для следствия и суда (Ю.И. Холодный, 2009; Ю.К. Орлов, 2009; А.Ю. Николаев, 2011; Р.С. Иванов, 2009 и др.).

Согласно второму подходу, объектом экспертного исследования (видовым) являются физиологические проявления протекания психических процессов, связанные с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии. Понятие предмета экспертизы при этом не дается (Я.В. Комиссарова, 2008).

Представляется, что оба подхода не лишены недостатков. Если говорить о первом (Ю.И.Холодный, 2009; Ю.К.Орлов, 2009; А.Ю.Николаев, 2011; Р.С.Иванов, 2009 и др.), то налицо явная недооценка физиологических реакций, рассмотрение их только в качестве средства визуализации процесса диагностики памяти, а также контроля психической активности подэкспертного. Физиологические реакции (а именно их устойчивость, качество) в данном случае являются собственно *диагностическими признаками*, свидетельствующими о наличии/отсутствии диагностируемого объекта в памяти подэкспертного. Что касается второго подхода (Я.В. Комиссарова, 2008), то изучение физиологических проявлений протекания психических процессов (восприятия, сохранения и воспроизведения) не является самоцелью, теряет смысл вне связи с поиском юридически значимой информации в памяти подэкспертного.

С чем же мы имеем дело, когда получаем от участника события информацию о том или ином событии? При извлечении информации из памяти мы оперируем с образами представлений о конкретном событии, в которых в обобщенном виде отражается целостная картина события (одновременно симультанно и сукцессивно), в них мы одновременно присутствуем в прошлом и смотрим со стороны в настоящем. В образах преставлений о пережитом событии отражается наш жизненный опыт, наше отношение к произошедшему - как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Такая многоуровневая представленность в психике информации о событии, участником которого мы являлись, приводит к тому, что любое обращение к ней (посредством зрительного или семантического стимула, прямо или косвенно связанного с событием, использованного

неосторожно или целенаправленно) по ассоциации приводит к актуализации целостной картины события, что проявляется в реакциях на психофизиологическом, психологическом и поведенческом уровнях. Следует отметить, что в данном случае речь идет о представлениях памяти.

В тех случаях, когда мы даем информацию о событиях, которые в действительности нами не были пережиты, замещаем реальные события, участниками которых являлись, т.е. конструируем «иную реальность», мы имеем дело с представлениями иного рода – представлениями воображения. Какой бы внешне достоверной не казалась сконструированная картина событий, она не будет адекватно представлена на эмоциональном уровне, в эмоциональной памяти своего «создателя» - он будет оперировать рациональными представлениями о том, что он мог бы испытывать, чувствовать, переживать в сконструированной реальности, но не тем, что зафиксировано в его эмоциональной памяти.

Наличие в памяти и сознании двух «реальностей» - действительной и «иной, сконструированной» порождает внутренний конфликт, который усиливается тем, что человеку необходимо постоянно контролировать свои реакции и поведение, чтобы «иная, сконструированная реальность» воспринималась адресатом достоверной (Л.Б. Филонов, 1979). Отражением такого конфликта является высокий уровень психической напряженности, возрастающий в тех случаях, когда зрительный или семантический стимул (диагностирующий объект) обращается к скрываемой и охраняемой субъектом «действительной реальности». Это проявляется на различных уровнях (физиологическом, психофизиологическом, психологическом) и может быть зафиксировано инструментальными методами (в частности, с помощью полиграфа). Таким образом, о наличии скрываемой информации мы узнаем опосредованно – через изменение психического состояния подэкспертного.

Комплексная психолого-психофизиологическая экспертиза.

Предметом этого вида экспертизы являются признаки наличия юридически значимой информации в памяти процессуального лица (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого). Объектом выступают особенности познавательной деятельности, обеспечивающие восприятие, сохранение и последующее воспроизведение юридически значимой информации.

Задачами при проведении комплексной психолого-психофизиологической экспертизы является следующее:

- а) исследование особенностей познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления) с целью установления потенциальной способности подэкспертного адекватно воспринимать, сохранять, воспроизводить и давать адекватную (правильную) информацию о событиях и явлениях объективной реальности;
- б) диагностика индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, способных повлиять на восприятие, сохранение, воспроизведение и дачу адекватной (правильной) информации об интересующих следствие (суд) событиях;

- в) диагностика психического (эмоционального) состояния подэкспертного в момент восприятия юридически значимой информации и влияния этого состояния на ее восприятие, понимание и сохранение в памяти;
- г) выявление у подэкспертного признаков наличия охраняемой (скрываемой) лично значимой информации об интересующих следствие событиях в поведении (на вербальном и невербальном уровнях) и в эмоциональном состоянии);
- д) выявление у подэкспертного признаков наличия охраняемой (скрываемой) лично значимой информации об интересующих следствие событиях на уровне психофизиологических и физиологических реакций.

Первые четыре задачи («а» – «г») относятся к компетенции эксперта-психолога, пятая задача («д») – к компетенции эксперта-полиграфолога. При этом первая, четвертая и пятая задачи предполагают также совместную оценку полученных результатов.

Заключение.

Комплексная психолого-психофизиологическая экспертиза не подменяет собой однородные психологическую и психофизиологическую экспертизы, однако при расследовании наиболее сложных преступлений объединение возможностей психологии, психофизиологии и полиграфологии может привести к новому качеству доказательственного значения заключения экспертов по сравнению с заключениями однородных экспертиз.